

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *С. Прохоровой*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.
В26 Кот, который гуляет со мной : роман / Татьяна
Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
320 с. — (Жизнь прекрасна. Позитивная проза Татья-
ны Веденской).

ISBN 978-5-04-004007-0

У пессимистки Фаи Ромашиной «все еще хуже» — ее от-
дел отстранен от работы, начальник пропал, сестра беременна, а
мужчина ее мечты, психотерапевт Игорь, после свидания пропал
и не звонит. Фая клянется, что не станет звонить ему первой, но
и ждать у моря погоды не в ее стиле. Девушка пытается найти
ответы на все вопросы, используя «научные методы». Получен-
ные выводы удивляют не только ее.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004007-0

© Саенко Т., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

Нижеизложенное описание жизни, метаний и тревожений Фаины Ромашиной является вымыслом, допущением и параллельной реальностью автора

«Зачем искать иголку в стоге сена? Нужно воспользоваться магнитом, а сено сжечь».

Эти ваши интернеты

«Дамы и господа! За этими стенами вас никогда не коснется когнитивный диссонанс.

Поэтому вам совершенно незачем знать, что это такое».

Пелевин, «Generation П»

Глава 1

Пессимисты живут дольше, но разве это их радует?

*В*се было очень плохо, куда хуже, чем предполагали ее Величество Теория Вероятности и ее придворная дама Статистика. Я сидела на теплом от проводов, грязном ковролиновом полу двадцать шестого этажа нашей «свернутой башни» и пялилась в экран смартфона в поисках выхода, но выхода не было. Я пересчитывала и переделывала цепочки последовательностей, но это не приводило ровно ни к чему. Надежды растворялись и превращались в пыль на ковре, и мне оставалось только признать неизбежное — принять поражение как оно есть. Но я не была готова к этому, еще нет, и мой разум — единственная, на мой взгляд, стоящая хоть чего-то часть моего тела — снова и снова обсчитывал возможные варианты, выискивая лазейку в лабиринте без выхода.

Я не была одинока. В таком же положении (кто-то даже сказал бы — в одной лодке) оказалось сразу несколько человек. Я точно знала это, вычислила по выражениям их лиц — напряженные, отчаянные попытки хоть как-то выкрутиться, хоть что-то сделать. Ближе к окну, опершись спиной о грязную стенку, сидел наш хмурый худенький

8 Татьяна Веденская

Ванечка — симпатичный молодой человек в огромных очках с черной оправой. Требовалось некоторое время, чтобы понять, насколько Ванечка симпатичен, так как очки заявляли обратное — сознательно сгенерированный эффект. Ванечка был специалистом по «тарелочкам», так мы называли информационную безопасность, к которой в нашем «*нефте-газо-садо-мазо-холдинге*» относились очень серьезно, хотя никто, кроме нас и Ванечки, не понимал, что это такое. Ванечка хмурился и шевелил губами, бросая быстрые тревожные взгляды на окружающих.

У Яны — операционистки из отдела техподдержки — дела шли не лучше, она сидела, скрестив ноги, как заправский йог, сбросила кеды и от напряжения даже сняла с ушей огромные наушники, в которых ходила всегда. Настолько всегда, что многие считали, что это у нее «просто такие большие уши». Яна и я — мы были единственными девочками на двадцать шестом этаже нашего Муравейника, если не считать уборщицу и случайных посетителей. Обе мы были скорее плевком в лицо «женственности», нежели ее триумфом. Обо мне и говорить не приходится, а Яна... в своих необъятных фуфайках с капюшонами, скрывающих любые вторичные половые признаки, со странной прической и — о да, тоже очками в толстенной оправе — Яна напоминала мальчика, который напоминает девочку. Такой вот парадокс импликации! Яне еще не исполнилось и двадцати пяти, у нее все было впереди — и муки, и сомнения, и разочарования.

Я глубоко сожалела, что ей тоже не повезло сидеть с нами на ковролине двадцать шестого этажа, но что я могла поделать?! Постников решил бить наповал, и весь наш отдел теперь подпадал под риск увольнения. Яна не имела к происходящему никакого отношения, в конце концов, это я постоянно хамила Вите Постникову, ведущему аналитику из финансового подразделения, это я «достала» его и будила в нем неудержимое желание «до основания все разрушить, а затем...» Но кому от этого легче? Если лавина несется с горы, она не разбирает, хорошие люди у нее на пути или плохие. Она сметает всех подряд.

— Ну и сколько можно тянуть кота за хвост? — спросил Саша Гусев, глядя почему-то на Рудика, нашего шамана-сисадмина, высокого, стройного бородача с бакенбардами и иссиня-черными растрепанными волосами. Шаманом Рудика звали за то, что он умудрялся выискивать ошибки в протоколах, чего не мог никто из всех остальных, и делал он это необычно, по-своему, с приговорами и ритуалами, понятными лишь ему одному. Рудик вздохнул и бессильно посмотрел вдаль — сквозь наш длинный коридор на лифты, которые проезжали сегодня мимо нашего, двадцать шестого, без остановки.

— Между прочим, я был против, чтобы ты, Саша, ставил этот «читерский мод». Это все равно что заранее заложить в программу баг, чтобы потом все обрушилось. Кто так делает?

— Ну, допустим, я, — задумчиво пробормотала я.

— И зачем?

— Ну как же, Рудик, ведь от правильно заложенного в программу бага может быть море пользы, — усмехнулся Жора, коллега Яны из техподдержки. Его работа состояла преимущественно в том, чтобы просить паникующих пользователей выключить, а затем снова включить оборудование. В восьмидесяти процентах случаев этого было достаточно, и можно было идти пить чай с пирожками с вареной сгущенкой. Остальными двадцатью процентами занимались либо Яна, либо ее знания не хватало, и тогда шаманил Рудик. В редких случаях звали меня. Так или иначе, у Жоры оставалось достаточно времени на пироги с вареной сгущенкой, что неминуемо сказывалось на его теле. Жора был женат, и на фигуру ему было плевать. Забавно, что Жора, самый потрепанный и неухоженный из всех нас, был единственным женатым человеком. Куда только смотрит его жена?

— Море пользы, — кивнула я. — Особенно если баг активируется не сам по себе, а в нужное время, при нужных обстоятельствах. И если ты можешь этим багом управлять, скажем, дистанционно и анонимно.

— Это, моя дорогая Ромашка, называется уже совсем по-другому, — усмехнулся Саша Гусев, мой коллега и товарищ по несчастью. — Это, Ромашка, форменное хакерство.

— А где проходит тоненькая грань между читерством и хакерством? — спросила я с философским видом. — Если ты можешь выложить карту, которая вышла из игры, а результатом станет незаконный и немотивированный выигрыш, что это будет — хакерство или читерство?

— Вопрос в том, включает ли выигрыш деньги или нет, я так считаю, — бросил Жора.

— Такая интерпретация — в корне ложная, — вмешалась я. — Читеры не являются хакерами по определению, ибо не пишут коды и в большинстве случаев даже не владеют ни одним языком программирования. Читеры — это как всякие жуликоватые консюмеры, ворующие в супермаркетах шоколадные батончики. Они не производят батончики, не продумывают «левых» схем их реализации — они просто их жрут. Хакеры же владеют технологией производства.

— Хакеры добиваются материализации батончиков на полках магазинов, каковая происходит сама собой, вопреки правилам и законам вселенной, — добавил Саша Гусев. — Ромашка, ходи. Твой ход.

— Не хочу! — рассмеялась я. — Что ты сделаешь со мной, если я не стану ходить? Будет ли это проигрышем, если я выйду из игры по техническим причинам — к примеру, в туалет?

— Э, так не пойдет! — возмутился Саша Гусев, в руках у которого уже была победа. Я знала как, я даже помнила тот момент, когда Саша выложил нам всем липового пикового валета, но от этого мне не было легче. Горечь поражения, знаете ли. И потом — лично для меня ставки были весьма высоки. Сашке удалось добиться от меня обещания, что если за этот день он и другие отыграют у меня все оставшиеся деньги — виртуальные, конечно же, — то я соглашусь и пойду с ним на бадминтонный турнир. И не в качестве зрителя, чего я еще как-то могла пере-

жить. Нет-нет, он хотел приобщить меня к «настоящему бадминтону», и условие было — все или ничего. Я была на миллиметр от того, чтобы стать настоящей спортсменкой-любительницей, и душа моя рыдала.

— Ну как же так! — воскликнула я, когда еще сто виртуальных рублей слетели с моего и без того оскудевшего виртуального счета. Я не могла понять, почему и как Саше Гусеву удастся одерживать надо мной верх — раз за разом. Я всегда держала его за честного человека, но определенно я ошибалась.

Моя сестра совершенно уверена в том, что я не умею «читать» людей и в них не разбираюсь. Впрочем, моя сестра тоже вряд ли заслуживает звания «эксперта года по пониманию человеческих душ». Как ни крути, а она не считается — беременная, причем во второй раз от одного и того же безработного, гулящего и малополезного мужчины, с которым они только-только собираются — неизвестно зачем — пожениться. Не то чтобы я осуждала ее или, не дай бог, не считала это любовью. Если безусловная преданность мужчине, в котором нет ничего, кроме пустых обещаний и безумных идей, не любовь, тогда я не знаю, что такое любовь. Этого не пишут на фантиках к жвачкам, но «любовь — это когда ты раз за разом принимаешь мужчину из командировки, в которую его никто не посылал».

— Что тут происходит! Это что за лежащая забастовка в разгар рабочего дня? — Вопрос был по сути критическим, но тон, каким он был задан, был скорее восхищенным,

чем злым или возмущенным. Я вздохнула, перегрузила программку на своем смартфоне и посмотрела на фигуру, стоящую в темноте коридора. Кого еще черт принес к нам в цифровую крепость, в настоящее время взятую на абордаж?

— Лежачая? Почему это? — возмутился Жора. — Мы все сидим, между прочим.

— Вы все сидите на полу. А ты, Жорочка, больше лежишь, чем сидишь, — как на диване. Нам бы так работать! — возмутилась Маша Горобец, раскручивая в руке тонкую палочку-выручалочку, электронную сигаретку, с помощью которой она пыталась бросить курить. — Фаина, у нас там программа глючит. Твоя работа?

— Во-первых, твой вопрос задан максимально некорректно, — неторопливо начала я, и не подумав подняться с пола. Машка была моей старой подругой — не в смысле возраста, хотя и в этом смысле тоже, ей было уже за тридцать, так что... — с нескольких точек зрения. Ты хочешь знать, является ли обязанность решать проблемы с неработающим оборудованием и программным обеспечением моей работой? И да и нет. Это относится к моей сфере, но это скорее работа Жоры или Яны, не моя. Однако, учитывая тот факт, что все мы — весь наш IT-отдел — отстранены от работы уже три дня подряд, то все проблемы с программным обеспечением и оборудованием никак не являются нашей работой.

— Что? — вытаращилась на меня Маша. — А чьей?

— Продолжая отвечать на предыдущий вопрос, — бубнила я с интонацией сидящей на грибе гусеницы Льюиса

Кэрролла, — хочу уточнить, что если ты имела в виду, что обрушившаяся работа вашей программы является результатом «хакерской атаки», к которой какое-то отношение имею я, то ты тоже ошиблась. Это не «моя работа», я не имею доступа к системе вот уже третий день.

— Можно подумать, тебя это когда-нибудь останавливало! — фыркнула Машка. — Третий день? Ничего себе. И как вы?

— Роскошно! — хором отозвались все.

— Чудовищно, — ответила я, как всегда невпопад.

— И что же чудовищно, Фая? — усмехнулся Сашка Гусев.

— Чудовищно, что вы ничего не делаете, — возмущенно всплеснула руками Маша Горобец. — У нас что, теперь не будет IT-отдела? Вы что же, не понимаете, что такой холдинг, как наш, просто не может работать без нормального IT-отдела?

— А ты все эти вопросы лучше нашему любезному другу Постникову задай, — пожала плечами я. — Он нас отстранил, он нам доступы закрыл, а нам — что? Солдат спит, служба идет.

— Лишь бы никто не сказал, что мы прогуливаем, — кинул Ванечка и поправил очки на носу. — Ну что, играем, братцы? И сестрицы!

— Вы третий день играете. Во что хоть?

— Да все в дурака, — сообщила ей Яночка.

— Ну конечно! Врете? — не поверила Машка. Мы удивленно переглянулись и замотали головами. Мы и правда третий день играли в «дурака» — в его электрон-

ную версию, разумеется, ибо ну не можем мы, программисты-технари, делать все по-простому, как все нормальные люди. Нет, мы играли в запрограммированного «дурака», да еще такого, в котором можно было «читерить» — то есть жульничать. Чем Гусев-подлец и пользовался без зазрения совести.

— Издеваетесь, да? В честь первого апреля, да? Если бы я вас не знала, я бы подумала, что это такой дурацкий розыгрыш на первое апреля.

— Сегодня первое апреля? — удивленно спросила Яна. Маша снова всплеснула руками и покачала головой.

— А вы не знаете?

— Мы-то? Конечно... нет, — вздохнул Саша. — Никого мы не разыгрываем и ничего не знаем, живем скучно, аж челюсти сводит, сколько зевать приходится. В принципе, это и есть работа моей мечты.

— Счастливые часов не наблюдают, зато я знаю, что сегодня пятница. Хвала небесам! — Жора достал из сумки замызганный пакетик с остатками печенья и отправил одно в рот. — Кстати, который час? Не пора ли домой? Меня дома жена ждет.

— Домой? Ты с ума сошел, еще только четыре! — возмущался Гусев. — Вот ставлю на то, что Постников нагрянет с проверочкой как раз без пяти минут шесть.

— Ставишь? А сколько? — тут же подсуежилась я. — Давай поспорим — на тысячу баллов?

— Ага! — заржал Гусев. — Хватаешься за цифровую соломинку? Сколько мне осталось у тебя отыграть? Сколько там у тебя осталось?